

Польско-литовская демократия глазами московской шляхты XVI — середины XVII в.

Константин Ерусалимский

Polish-Lithuanian Democracy in View of the Muscovite Gentry of the 16th and First Half of the 17th century

Konstantin Jerusalimsky

(Russian State University for the Humanities, Moscow)

DOI: 10.31857/S086956870010776-4

Московское государство и Речь Посполитая формировались во взаимном притяжении и отталкивании, и в историографии принято изучать влияние московской угрозы, военные конфликты между двумя государствами и, в целом, российский фактор в политических тенденциях Короны Польской и Великого княжества Литовского. Противоречия оформлялись в устойчивые взаимные клише, носившие всё более выраженные этнические формы. В Речи Посполитой ко времени московской Смуты сложился образ воровского государства на Востоке, представляющего опасность одним фактом своего существования. Историческая память с конца XV в. пестовала образ особого *московского народа*, отличного от других русинов, а в хрониках второй половины XVI — начала XVII в. предпринимались попытки представить москвитов как шляхетный народ, равный по своим правам с польским и литовским и даже более древний.

Обособленность москвитов во всех версиях печатных хроник польско-литовских авторов представлена как этнический факт, тогда как триумфальная литература и визуальные репрезентации закрепили представление о победоносном сокрушении московских противников¹. Второй Литовский Статут 1566 г. на юридическом уровне закрепит образ *неприятеля нашего великого князя московского*, лишь отчасти сглаженный в Третьем Статуте 1588 г. Выезд за пределы Великого княжества во Втором Статуте разрешался во всех случаях, кроме оскорбления величества господаря («ображенья маестату») и не считая

© 2020 г. К.Ю. Ерусалимский

Работа выполнена в рамках проекта Российского научного фонда № 19-48-04112. Благодарю за замечания, высказанные участниками дискуссии 11 июня 2019 г. на семинаре, организованном редакцией журнала «Российская история» в Институте российской истории РАН.

¹ Maliszewski K. Obraz Rosji i Rosjan w kulturze polskiej doby późnego baroku // Między Zachodem a Wschodem. Studia z dziejów Rzeczypospolitej w epoce nowożytnej. Toruń, 2002. S. 143—152; Niewiara A. Moskwićin-Moskal-Rosjanin w dokumentach prywatnych. Portret. Łódź, 2006; Krzywy R. Wstęp // Gluchowski J. Wtargnięcie w Moskiewski kraj Mikołaja Radziwiłła w roku 1568. Warszawa, 2017. S. 17—28. Репрезентации триумфа над Москвой и образ свергаемой московской тирании в XVI—XVII вв. изучались в книгах: Zawadzki K. Prasa ulotna za Zygmunta III. Warszawa, 1997; Pfeiffer B. Caelum et regnum: Studia nad symboliką państwa i władcy w polskiej literaturze i sztuce XVI i XVII stulecia. Zielona Góra, 2002; Kąkolewski I. Melancholia władzy: Problem tyranii w europejskiej kulturze politycznej XVI stulecia. Warszawa, 2007. О литературных и визуальных репрезентациях «присяги царей Шуйских» в польской культуре см. статьи Д. Хемперека, В. Тыгельского, Ю.-А. Хрощицкого и А.-Я. Ямского в сборнике: Hold carów Szujskich. Warszawa, 2014. Колониальные дискурсы в отношении Москвы дискутируются в работах: Franczak G. Moskwa — polskie Indie Zachodnie. O pewnym mirażu kolonialnym z początku XVII wieku // Nel mondo degli Slavi. Incontri e dialoghi tra culture. Studi in onore di Giovanna Brogi Bercoff. Firenze, 2008. S. 163—171; Grala H. Rzeczpospolita Szlachecka — twór kolonialny? // Perspektywy kolonializmu w Polsce, Polska w perspektywie kolonialnej. Warszawa, 2016. S. 275—299.

Московского государства («выимуючы земли Московские»)². Образ «неприятеля московского» вновь возник в актах Люблинской унии 1—4 июля 1569 г. в ознаменование обязательств суверена Речи Посполитой вернуть их прежним владельцам «замки, имения, посесии и владения», захваченные неприятелем³. Влияние военной угрозы со стороны Москвы на короля в его поисках объединительной схемы для Короны Польской и Великого княжества Литовского отмечали и современники⁴. Во время выборов 1573 г. при помощи образа лукавого захватчика-великого князя московского, волка в овечьей шкуре, французская делегация готовила общественное мнение в пользу Генриха Валуа⁵. Полоцкие привилеи были захвачены москвитами — отвоёванный замок был восстановлен в правах в 1580 г., однако «все листы, привилеи и твердости на права и волности всей земли Полоцкое належачые, на он час в том замьку Полоцком в церкви Светое Софии... суть побраны»⁶. В королевском привилее Витебску 1592 г. прозвучало, что воры («злодеи») украли старые привилеи из храма Пречистой Богородицы, «пришедши... з Великого Навагорода»⁷. Важно было подчеркнуть, что в потере привилегий виноваты преступники из Московского государства. В эти же годы началось формирование образа московского православия как потенциальной угрозы для православных подданных короля⁸, а также образ казака, разрушающего Речь Посполитую в сговоре с Москвой⁹.

Сказывались эти представления и на том, как в моменты обострения локальных конфликтов звучали инвективы в адрес местных москвитов, однако, в целом, на всём протяжении существования унии Короны и Литвы московская нация и её представители на службе короля и Речи Посполитой воспринимались как законный свободный народ в ряду других народов. Л. Дзялынский

² Статут Вялікага княства Літоўскага 1566 г. // Вялікае княства Літоўскае: энцыклапедыя. Т. 3. Дадатак. А—Я. Мінск, 2010. С. 482 (арт. 7). В Статутах Первом 1529 г. и Третьем 1588 г. говорится более обобщённо о победе в «землю неприятельскую» (Там же. С. 436 (арт. 2, 4), 555—556 (арт. 6, 7)). См. также: *Ланно И.И.* Великое княжество Литовское за время от заключения Люблинской унии до смерти Стефана Батория (1569—1586): Опыт исследования политического и общественного строя. Т. 1. СПб., 1901. С. 533—554. Третий Статут не имел юридического приоритета на землях, вошедших в состав Короны Польской по Люблинскому договору 1569 г., где до начала XVIII в. сохранял юридическое значение так называемый Волинский — Второй Литовский Статут 1566 г. См.: *Довбищенко М.* Українська адвокатура Волині литовсько-польської доби (XVI—XVIII ст.). Київ, 2019. С. 79—91.

³ Akta unii Polski z Litwą 1385—1791. Kraków, 1932. S. 346, 361, 370; Помнікі права Беларусі XIV—XVI ст.: агульназемскія прывілеі і акты дзяржаўных уній: крыніцазнаўчы дапаможнік. Мінск, 2015. С. 278, 299, 314.

⁴ *Januškevič A.* Unia Lubelska a wojna Inflancka: wzajemna współzależność na tle polityki wewnętrznej Litwy // Unia Lubelska z 1569 roku: Z tradycji unifikacyjnych I Rzeczypospolitej. Toruń, 2011. S. 45—54.

⁵ *Kąkolewski I.* Melancholia władzy... S. 252—285.

⁶ *Пазднякоў В.С.* Помнікі права Беларусі XIV—XVI стст.: абласныя прывілеі. Крыніцазнаўчы дапаможнік. Мінск, 2018. С. 179—191.

⁷ Там же. С. 102.

⁸ *Hodana T.* Między królem a carem. Moskwa w oczach prawosławnych Rusinów — obywateli Rzeczypospolitej (na podstawie piśmiennictwa końca XVI — połowy XVII stulecia). Kraków, 2008. S. 19—62.

⁹ *Tomkiewicz W.* O składzie społecznym i etnicznym Kozaczyzny Ukrainnej na przełomie XVI i XVII wieku // Przegląd Historyczny. 1948. T. 37. S. 256—257; *Rostankowski P. Lubers S.* Die Herkunft der im Jahre 1581 registrierten Zaporoger Kosaken // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Bd. 28. H. 3. Wiesbaden, 1980. S. 368—369; *Брехуненко В.* Козаки на Степовому Кордоні Європи: Типологія козацьких спільнот XVI — першої половини XVII ст. Київ, 2011. С. 127—129, 325—327, 333—335; *Флоря Б.Н.* Россия и восточнославянские земли Польско-Литовского государства в конце XVI — первой половине XVII в. Политические и культурные связи. М., 2019. С. 73—75.

в своём дневнике передаёт речь московского стрелецкого головы Микулы, взятого в плен в Велиже во время Великолуцкого похода в августе 1580 г. Речь была произнесена в кругу шляхтичей и перед родными пленника, которым разрешили вернуться к царю. Она отражает военную доблесть и сожаление москвиты, что он не погиб за царя. Микула знал, к кому он обращается, но не выказал ненависти, а, наоборот, ссылался на общность ценностей воинов с обеих сторон, вызвав в шляхтичах сочувствие¹⁰. Сочувственный портрет москвиты в эмиграции В.С. Заболоцкого рисует в своих записках начала XVII в. новогрудский шляхтич Ф. Евлашевский. Записки шляхтичей начала XVII в., побывавших в Москве и Московском государстве, изображают недоверие со стороны московских соратников в отношении «ляхов» и «литвинов», однако это отношение требовало внушений и дискуссий, которыми запестрели тексты. Объединительные проекты с Москвой обсуждались на высшем уровне. Последний из них в канун Смуты был выдвинут Л.И. Сапегой и допускал приход к власти над общей Польско-Литовско-Московской республикой представителя Москвы. При этом завоевательные планы в отношении Москвы и в период Смуты вызывали у магнатов и шляхты Короны и Литвы настороженное отношение вплоть до открытого сопротивления, несмотря на поддержку идеи интервенции теоретиками справедливой войны¹¹.

Москва была крупным и к середине XVI в. в целом открытым центром притяжения служилых людей, а в их числе и шляхты-русинов и «литвы», однако образ западных соседей складывался в памятниках местной исторической и военной культуры нелицеприятный. Бесы являлись святому Сергию в островерхах литовских шапках, и этот сюжет в XVI—XVII вв. был во множестве списков жития святого доступен московским читателям. Побег «в Литву» в родословных книгах, Дворовой тетради и в крестоцеловальных грамотах середины XVI в. отмечался как преступление, ставящее крест на карьере и равнозначное прекращению местной ветви рода бежавшего. Высшая власть позволяла себе насмешки над правами соседних монархов на свои владения и ставила под сомнение права Пястов и Ягеллонов на «русские» земли и связанные с ними территории, в конечном счёте — на Корону и Литву. В этом ряду унижительное обращение царя к королю и Г.А. Ходкевичу летом 1567 г. от имени кн. И.Д. Бельского как князя «Литовского и Бельского», полноправного наследника всего Великого княжества Литовского по происхождению. Польское происхождение и долгое нахождение на коронных землях являлось показателем чуждости. Московские служилые люди читали в разрядных книгах и о детях боярских по прозвищу «Лях», вызывавшему, по всей видимости, насмешку. Заточение «литовских» элит в Москве в 1534 г. после побега кн. С.Ф. Бельского и Ляцких, а также следственные дела против кн. И.Д. Бельского и Воротыньских в 1562 г. и против кн. П.М. Щенятева, возможно, имели и более популярные формы, которые до нас дошли лишь глухими отзвуками. Скажем, упомянутое в «Истории» Курбского убийство «ляховицы» Марии, по прозвищу Магдалина, или события в Москве 17 мая 1606 г., имевшие выраженные религиозно-этнические очертания, как и переkreщивание «белорусцев» и пресле-

¹⁰ Дневники Второго похода Стефана Батория на Россию (1580 г.): (Яна Зборовского и Луки Дзялыньского). М., 1897. С. 25.

¹¹ Wisner H. Wielkie Księstwo Litewskie a Moskwa. Okres Smuty // Napis. 2006. Seria 12. S. 99—108; Bukowski J. Magnateria Rzeczypospolitej wobec dymitriad i wojen interwencyjnych z Rosją // Scripta minora. T. 4. Poznań, 2006. S. 199—313.

дование книг «литовской печати» при патриархе Филарете. Тем не менее вряд ли может вызывать сомнение, что задолго до реформ царя Фёдора Алексеевича в московском обществе имелись знания о «ляхах» и «литве», облегчавшие московской беглой шляхте интеграцию в польско-литовское общество.

Невзирая на обилие мобилизационных и ненавистнических дискурсов во взаимных отношениях между двумя *de jure* воюющими сторонами, московские элиты и привилегированный класс не только видели у соседей близкий по типу общественный строй, но и пользовались его благами, заимствуя его идеалы, интегрируя себя в общество Короны и Литвы и рассуждая о возможном слиянии в одно государство. В отдельные исторические периоды такая перспектива казалась насущной и неизбежной, и это не могло не отразиться на самосознании и политической культуре московского общества. В настоящей работе принята попытка проследить влияние польско-литовских социально-политических представлений, шляхетского «сарматизма» и тенденций федеративного развития в Короне и Литве на московский служилый класс, который можно по аналогии с зарубежным образцом и вне зависимости от позднейших преобразований царя Фёдора Алексеевича условно обозначить как московскую шляхту.

Характер политической унии Короны Польской и Великого княжества Литовского и их слияния «в единое тело» требовал сложного обоснования на языке российской политической культуры и, конечно, не был в полной мере понятен в Москве¹². Идея государственного «тела» была малоизвестна в московском православии, хотя она и звучала в сочинениях Максима Грека и из уст митрополита Макария во время суда над Иваном Висковатым. Позднее Андрей Курбский выразил её уже в своих эмигрантских сочинениях, испытывавших влияние европейского республиканства. Впрочем, в Российском царстве были известны основные политические термины польско-литовской унии. Понятие *dominium*, охватывающее государственные образования, объединённые Кревской унией и употребляемые как в единственном, так и во множественном числе, точно соответствует моск.-рус. *господарство* и его однокоренным понятиям. В нём, возможно, не так выражен принцип, позволяющий различать *corona regni* и *regnum*, как в унии Короны Польской и Великого княжества Литовского¹³. Однако в московской деловой риторике сохранялось различие между понятиями *наше господарство*, выражающим личную власть суверена во всех своих владениях, и *наши господарства*, указывающим на разноликие

¹² О принятии унии см.: *Halecki O. Przyłączenie Podlasia, Wołynia i Kijowszczyzny do Korony w roku 1569. Kraków, 1915; Ferenc M. Mikołaj Radziwiłł «Rudy» (ok. 1515—1584): Działalność polityczna i wojskowa. Kraków, 2008. S. 287—397; Камінський Сулима А. Історія Речі Посполитої як історія багатьох народів, 1505—1795. Громадяни, їхня держава, суспільство, культура. Київ, 2011. С. 55—80; Падалинскі У. Прадстаўніцтва Вялікага Княства Літоўскага на Люблінскім сойме 1569 года: Удзел у працы першага вальнага сойма Рэчы Паспалітай. Мінск, 2017; Проблемы інтэграцыі і інкарпарацыі ў развіцці Цэнтральнай і Усходняй Еўропы ў перыяд ранняга Новага часу: Матэрылы міжнар. навук. канферэнцыі (Мінск, 15—17 кастрычніка 2009 г.). Мінск, 2010; Unia Lubelska z 1569 roku: Z tradycji unifikacyjnych I Rzeczypospolitej. Toruń, 2011; Liublino unija: idėja ir jos tęstinumas. Tarptautinės mokslinės konferencijos, vykusios 2009 m. lapkričio 19—20 d. Vilniuje, Taikomosios dailės muziejų, pranešimų pagrindu parengtas mokslinių straipsnių rinkinys. Vilnius, 2011.*

¹³ Здесь я ориентируюсь на интерпретацию уний 1386—1569 гг.: *Frost R. Ograniczenia władzy dynastycznej. Rzeczpospolita polsko-litewska, Szwecja a problem monarchii złożonej w epoce Wazów (1562—1668) // Проблемы інтэграцыі і інкарпарацыі ў развіцці Цэнтральнай і Усходняй Еўропы ў перыяд ранняга Новага часу: Матэрылы міжнар. навук. канферэнцыі (Мінск, 15—17 кастрычніка 2009 г.). Мінск, 2010. S. 155—173; Frost R. Oksfordzka historia unii polsko-litewskiej: Powstanie i rozwój 1385—1569. T. 1. Poznań, 2018. S. 31—108.*

территориальные пределы московских правителей. Федеративное понимание территориального объединения Великого княжества Литовского, выраженное в кревской и радомско-виленской формуле *Littwania et caetera dominia*, было близко к формуле, в которой московские цари перечисляли свои *Московские государства*, присоединяя к ним обособленно Казань, Астрахань, Ливонию, Сибирь и Кавказ, как позднее Белую и Малую России — к Великой России. Форма объединения государств вокруг Москвы с середины XVI в. — а во многом уже с конца XV в. — мыслилась как имперская, однако это была в своём роде империя *ad hoc*, и её фактические границы могли разрастаться и съезжаться, не переставая быть единством царств под скипетром православного, или белого, царя¹⁴.

Русские земли в польско-литовской унии 1569 г. могли быть лишь частью уже существующего двуединого целого. Как показали Я. Пеленский и Н. Яковенко, «русский» вопрос вытеснялся в объединительной формуле Короны и Литвы благодаря понятию «stany» («общества» или «страты») в отношении региона, тогда как «старина» в русских землях поддерживалась вплоть до конца XVI в. структурами общей памяти, высоким статусом княжеской власти и локальными культурно-правовыми традициями¹⁵. Сходной точки зрения придерживается Н. Старченко, говоря об особых территориальных правовых традициях в Речи Посполитой, где не только *народы*, но и *воеводства* сохраняли правовую специфику¹⁶. На политико-терминологическом уровне данный феномен изучали К. Мазур и Т. Амброзьяк, говоря о «республике» как подвижной форме, в различных дискурсах и контекстах меняющей смысловое наполнение от региональной «отчизны» до идеи сословного представительства и парламентской республики в целом¹⁷. Исторические взгляды на *Русь*, отразившиеся в польских хрониках конца XV — середины XVI в., были заметно переработаны в пользу той версии истории, которая превращала право на присоединение «всей Руси» (ср. в Киевском акте Люблинского сейма от 5 июня 1569 г.: «guska ziemia wszystka») к Короне в право «общего дела»¹⁸.

Для литвинов и русинов концепция общего дела звучала в ряде случаев угрожающе, поскольку предполагала, что, например, походы польских королей на русские земли, а следовательно и эксклюзивное право Короны на Русь означают необходимость «возвращения» юго-восточных земель Великого княже-

¹⁴ Чернявский М. Хан или василевс: один из аспектов русской средневековой политической теории // Из истории русской культуры. Т. II. Кн. 1. Киевская и Московская Русь. М., 2002. С. 442—456; Трепавлов В. В. «Белый царь»: Образ монарха и представления о подданстве у народов России XV—XVIII вв. М., 2007; Halperin Ch. J. Russian and the Steppe in Medieval and Early Modern Russia. București, 2007. P. 293—313.

¹⁵ Pelenski J. Inkorporacja ziem dawnej Rusi do Korony w 1569 roku. Ideologia i korzyści: próba nowego spojrzenia // Przegląd Historyczny. 1974. № 65. Zesz. 2. S. 248—262; Яковенко Н. М. Українська шляхта з кінця XIV — до середини XVII ст. (Волинь і Центральна Україна). Київ, 2008; Брехуненко В. Московська експансія і Переяславська рада 1654 року. Київ, 2005. С. 36—43.

¹⁶ Старченко Н. Люблінська унія як ресурс формування концепту політичного «народу руського» (1569—1648 pp.) // Український історичний журнал. 2019. № 2. С. 4—45.

¹⁷ Mazur K. W stronę integracji z Koroną. Sejmiki Wołynia i Ukrainy w latach 1569—1648. Warszawa, 2006. S. 226—255; Амброзьяк Т. Партикуляризм в парламентской жизни Великого княжества Литовского 1587—1648 гг. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2018. С. 130—163.

¹⁸ Litwin H. Kijowszczyzna, Wołyń i Braclawsczyzna w 1569 roku. Między unią a inkorporacją // Проблемы інтеграції... S. 200—203; Chorążyczewski W., Degen R. Przyłączenie czy przywrócenie? (Na marginesie aktów inkorporacyjnych Podlasia, Wołynia i Kijowszczyzny z 1569 roku) // Велике Княство Літоўскае: палітыка. эканоміка, культура. Зб. навук. арт. У 2 ч. Ч. 1. Мінск, 2017. С. 201—208.

ства Литовского в состав Короны Польской вне зависимости от условий унии. Предыстория республики, рассказанная тогда же и позднее М. Стрыйковским и А. Гваньини, допускала больше возможностей для унии между русинами, поляками, литвинами, крестоносцами и даже москвитями, однако строилась на той же идее общего дела. Таким образом, лишь отчасти хроникальный канон, созданный Длугошем, являлся *common stock* польско-литовской истории. Непосредственным фактором нового объединения 1569 г. стало, наоборот, переосмысление этого канона и критика в адрес Яна Длугоша с позиций республиканского естественного права, неминуемо и из глубокой древности объединившего народы Короны и Литвы. По всей видимости, и в Москве, где около 1567 г. было прервано официальное летописное дело, вёлся поиск формы, аналогичный тому, который способствовал в Короне и Литве новой концепции политической унии. Вряд ли в окружении Ивана IV не понимали, что «общее дело» поляков и литвинов в формуле Люблинских соглашений предполагало, по меньшей мере, согласие объединившихся народов стоять вместе за «всю Русь»¹⁹.

В Российском царстве к началу и в год проведения Люблинского сейма в Короне Польской острота политического выбора достигла небывалого накала. Ещё никогда ранее у верховного суверена в русских землях, в том числе ранее в правление Ивана IV, не возникало желания полностью упразднить многообразие политических форм в своих владениях. Суверены, которые не подчиняются, но «смотрят» в сторону Москвы, «служат» великому князю московскому или потенциально могут наследовать верховную власть, испытали тяжелейшие потрясения. Система «служилого» княжения, сложившаяся в отношениях Москвы с северо-восточными княжествами, к началу правления Ивана Грозного выродилась в номинальное привилегированное подданство²⁰. Статус князя-«слуги», которым ещё в середине XVI в. были наделены князья «литовского» происхождения И.Д. Бельский и М.И. Воротынский, отражал это промежуточное положение, уже в опричнину уничтоженное²¹. Статус князя-слуги исчез одновременно с последним независимым удельным князем и его матерью, был восстановлен после отступления войска крымского хана Девлет-Гирея от Молодей и погиб вместе с его носителем кн. М.И. Воротынским в 1573 г. после таинственного «чародейского» дела, о котором, помимо «Истории» Андрея Курбского, сохранилось крайне мало информации. Для князя-эмигранта казнь видного политика и воеводы была личной трагедией, но он донёс и важный аспект отношений между царём и прославленным воином. Попыткам предшествовал оговор слуги, и за колдовством, как и в ряде подобных случаев в XVI—XVII вв., скрывалось подозрение в *crimen laesae maiestatis*, которое

¹⁹ Филлюшкин А.И. Изобретая первую войну России и Европы. Балтийские войны второй половины XVI в. глазами современников и потомков. СПб., 2013. С. 129—136.

²⁰ Зимин А.А. Россия на пороге Нового времени (Очерки политической истории России первой трети XVI в.). М., 1972. С. 402—404; Кобрин В.Б. Власть и собственность в средневековой России. М., 1985. С. 137—138, 157—158; Назаров В.Д. Рюриковичи Северо-Восточной Руси в XV в. (о типологии и динамике княжеских статусов) // Сословия, институты и государственная власть в России (Средние века и Раннее Новое время). Сборник статей памяти академика Л.В. Черепнина. М., 2010. С. 426—427.

²¹ Шмидт С.О. Исследования по социально-политической истории России середины XVI века. Дис. ... д-ра ист. наук. М., 1964. С. 338; Беликов В.Ю., Колычева Е.И. Документы о землевладении князей Воротынских во второй половине XVI — начале XVII в. // Архив русской истории. 1992. Вып. 2. С. 93—121.

Воротынский, по словам Курбского, отказывался признавать. Этот факт находит неясную параллель с казнью в конце 1567 г. шляхтича И.П. Козлова, которого по злобной иронии (или намекая на какие-то сегодня неизвестные факты) Иван Грозный считал слугой Михаила Воротынского. Возможно, именно через Воротынского вело тайные переговоры литовское руководство, направив в Москву к лету 1567 г. письма от лица короля и магнатов.

Накануне и непосредственно на фоне разворачивающегося в Люблине сейма Иван IV присоединил к опричнине титульные земли князей, помнивших о своих родовых вотчинах и пользовавшихся на них церемониальным правом в московском посольском деле (часть Белозерского уезда, Ростов и Ярославль)²². Владимир Старицкий был убит по инициативе Ивана IV в конце 1569 г., вскоре после объединения Короны и Литвы. И одним из обвинений, предъявленных князю Владимиру Андреевичу, Новгороду Великому и Пскову, было отступничество в пользу Сигизмунда II Августа²³. Как мыслилось в Москве возможное объединение этих «отступников» с новой польско-литовской унией, невозможно сказать, и показательно, что никакие источники в самих Короне и Литве не донесли сведений на этот счёт. Архиепископу Пимену вменялось стремление отдать Новгород и Псков «литовскому королю», покушение на царя и приведение на московский престол Владимира Старицкого. На фоне унии между Короной и Литвой данный проект означал бы, по меньшей мере, сближение с унией западных соседей, а как максимум — готовность Москвы к заключению «вечного мира» с королём и вхождение в состав Речи Посполитой. Следы подобных тревог видны в речи Ивана IV, сказанной Ф. Зенковичу Воропаю уже после смерти Сигизмунда II Августа, когда обсуждались условия возможного вступления царя на троны Великого княжества Литовского и Короны Польской: «Что касается Ливонии, то если Господь Бог захочет, чтобы я был у Панов господарем, тогда пусть Ливония, Москва, Новгород и Псков будут заодно»²⁴. Возможно, этот же источник приоткрывает связь между «делом» Владимира Старицкого и проектом Ливонского королевства под управлением вассала Москвы короля Магнуса.

К моменту заключения унии между Короной и Литвой относится уникальный в своём роде «королевский» проект Ивана Грозного, служивший на протяжении нескольких лет прикрытием для российского правления царя в Ливонии. Эрцгерцог Магнус на рубеже 1569—1570 гг. получил корону из рук царя, но был окружён чиновниками из Москвы, регулярно доносившими царю о поведении вассала, «Божьей милостью короля Ливонии, государя эстов и леттов»²⁵. При всей призрачности королевского статуса Магнуса в Ливонии,

²² Курукин И.В., Булычев А.А. Повседневная жизнь опричников Ивана Грозного. М., 2010. С. 57.

²³ Скрынников Р.Г. Царство террора. СПб., 1992. С. 348—393; Флоря Б.Н. Иван Грозный. М., 2009. С. 255—270.

²⁴ *Historica Russiae Monumenta*. T. I. Sankt-Peterburg, 1841. P. 229—232 (в польской версии: «Co się dotyczy o Inflantskiej ziemi, w tej mierze, kiedyby Pan Bóg chciał, żeby Panowie mnie sobie za hospodara mieli, tedyby Inflanty, Moskwa, Nowogród i Psków za jedno było»). См.: Lulewicz H. Gniewów o unię ciąg dalszy. Stosunki polsko-litewskie w latach 1569—1588. Warszawa, 2002. S. 109—110. Przyp. 90. Как представляется, не вполне точно М. Ференц описывает эти слова царя как обещание объединить названные земли. Скорее речь должна идти о требовании Ивана IV, которое литовской стороне следовало соблюсти, чтобы получить московского правителя себе в господари. Ср.: Ferenc M. Mikołaj Radziwiłł «Rudy»... S. 418.

²⁵ Angermann N. Studien zur Livlandpolitik Ivan Groznyjs. Marburg; Lahn, 1972. S. 39—40, 52, 59, 65—68, 92 (немецкий титул «Magnus von Gottes Gnaden, König von Livland, der Estnischen und Lettischen Lande Herr», позднее также титул «избранного короля» «Erwählter zum König in Livland»).

его опыт показывал тенденцию Москвы к расширению политического лексикона. На заре государственной унии между Короной и Литвой это был важный знак, позволявший представить правление царя как открытое для полусвободных союзов. Физическое уничтожение удельного князя, взятие в опричнину ряда титульных княжеских городов, пресечение служилых князей и князей-слуг в московском политическом языке было, как представляется, реакцией именно на события в Короне и Литве, а не результатом каких-то долгосрочных тенденций в повестке московских великих князей и царей. Уделы существовали и позднее, полунезависимые княжества — тоже. Пограничное противостояние между Россией и Речью Посполитой за Трубчевск, отчину «служилых» князей Трубецких, закончилось в 1644—1657 гг. (после смерти кн. Петра Юрьевича и выезда в Москву его сына Юрия)²⁶. Однако для Москвы было важно продемонстрировать, что никаких федеративных поползновений в самой России не потерпят. Люблинская уния не вызвала паники в Москве, и официальный посольский церемониал отразил даже уверенность в обыденном течении дел, а также готовность к сотрудничеству, однако и в этом отношении в конце 1560-х и в начале 1570-х гг. произошли почти незаметные сегодня перемены в московской дипломатии.

Прежде всего, после ряда мирных инициатив со стороны Вильно царь в 1570 г. пошёл на перемирие, вряд ли выгодное с военной точки зрения Москве и не потребовавшее даже созыва Земского собора, что внешне вступало в противоречие с практикой, наметившейся четырьмя годами ранее. Литвины, судя по всему, по тайной договоренности короля с канцлером Великого княжества Литовского, с 1568 г. неоднократно выказывали готовность вести переговоры о признании царского титула Ивана Васильевича, что достигло своего пика в переписке царя с Я.Я. Глебовичем. Известны два письма последнего в Москву от 1574 г., где он обращался к «Его Царской Милости». Это было бы фактом государственной измены, если бы возникли сомнения в том, что Панове рада принимали участие в этой переписке²⁷. Полоцкий пленник Глебович и был отпущен царём в надежде на привлечение сторонников своей милостью в Великом княжестве Литовском, о чём говорят сохранившиеся фрагменты мемуаров Глебовича в «Гербовнике» Бартоша Папроцкого. Кроме того, царь проводил

Весть о переговорах царя с Магнусом и «прочими немцами» по ливонскому вопросу быстро дошла до Варшавы (Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie. Archiwum Radziwiłłów. Dz. V. Rkps 5019. S. 1—3).

²⁶ Grala H. «*Ex Moschouia ortum habent*». Uwagi o sfragistyce i heraldyce uchodźców moskiewskich // Rocznik Polskiego Towarzystwa Heraldycznego. Nowej Serii. T. 4(15). Warszawa, 1999. S. 115—120; Флоря Б.Н. О родовом землевладении князей Трубецких во второй половине XVI — начале XVII века // Архив русской истории. Вып. 7. М., 2002. С. 102—106; Кулаковский П. Чернігово-Сіверщина у складі Речі Посполитої 1618—1648. Київ, 2006; Сліж Н. Гісторыя роду Трубецкіх у Вялікім княстве Літоўскім // Архіварыус. Мінск, 2007. № 5. С. 137—159; Павлов А.П. Думные и комнатные люди царя Михаила Романова: просопографическое исследование. В 2 т. Т. 2. СПб., 2019. С. 25—33.

²⁷ РГАДА, ф. 79, оп. 1, реестр 2, д. 1, л. 7 об.—10, 19 об.—21 об.; ОР РГБ, Трицкое собр. II, д. 17, л. 193 об.—198, 209 об.—212 об.; ф. 235, папка 3, д. 21, л. 12—15 об., 22 об.—25. Вопрос о причастности Я.Я. Глебовича к московской разведке обсуждался на Люблинском сейме, однако исход этих споров говорит сам за себя. Обвинения в адрес Глебовича со стороны М.Ю. Радзивилла и его сторонников возобновились в канун конвокации в конце 1572 г., однако канцлер при помощи подобных слухов манипулировал репутацией Глебовича в момент борьбы кн. Ю.Ю. Слуцкого за «княжеское» место в Сенате Речи Посполитой. Вряд ли к 1574 г. на фоне подобных обвинений Глебович мог незаметно для литовской политической верхушки вести секретные переговоры с Москвой, совершая государственное предательство и в формуляре своих посланий, и в их содержании.

политический эксперимент в Москве, испытывая на подопытных полоцких шляхтичах литовскую форму управления прямо в Кремле: литвинам было разрешено создать подобие замкового суда и принимать законные решения, сообщая их через посольных в Литву, как если бы полоцкие уряды были просто перенесены в Москву²⁸.

Уничтожая пленников и политических противников в своём царстве, а также унижая шведских послов после заключения Люблинской унии, Иван Васильевич демонстрировал одновременно готовность к союзу с Литвой и к подавлению любого сопротивления своей власти. Возможно, царь действительно верил, что показательными убийствами и пытками, получившими наглядное воплощение для европейцев благодаря рассказам посольства Я. Кротоского, М. Талвоша и А.И. Харитоновича²⁹ и «Запискам» А. Шлихтинга³⁰, он предстаёт во всём величии перед лицом своих союзников и будущих подданных. Такой взгляд на законную государственную власть Иван IV неоднократно выражал в канун Люблинского сейма в переговорах с Елизаветой Тюдор, Юханом III и даже рассылая с английскими купцами послания от Антверпена до Южного Ирана. При этом мира с Литвой царь придерживался и дальше, вплоть до подтверждения сведений о победе Стефана Батория на выборах короля в 1575—1576 гг. Как раз на эти годы пришлись экстравагантные политические формы управления в Москве, до сих пор, пуще опричнины, ставящие в тупик историков, ищущих в них внутривластный смысл.

Царь сохранял открытость дипломатии перед Литвой даже в ущерб отношениям с Коронным Сенатом, о чём свидетельствует следственное дело посланника от Сената Речи Посполитой (из Короны Польской) Л. Дубровы или включение в посольскую документацию секретного письма Григория Остика. Даже объявляя войну Стефану Баторию и готовя удар по литовским замкам в Ливонии, в конце 1576 — начале 1577 г. царь сохранял мирные отношения с Литовской радой. Он пошёл на уступки перед литовскими сенаторами и обязался удовлетворить претензии литовских купцов. Наконец, и это наиболее интересный аспект отношений с новой унией, царь согласился на обсуждение прав и свобод литовской шляхты, гарантий для соблюдения всех неотъемлемых прав, действующих на территории Великого княжества Литовского. Впрочем, говорить о веротерпимости в России не приходилось ни до постановлений Варшавской конфедерации в конце января 1573 г., ни после них. Не согласился царь и на прощение изменников в случае своего избрания на троны Речи Посполитой.

²⁸ *Straszewicz M.* Testament Anny z Korsaków Rahoziny z 1563 roku. Przyczynek do dziejów jeńców połockich // *Przegląd Historyczny*. 2005. Т. 96. Zesz. 3. S. 449—458. Данные факты не учтены при подготовке сборника: *Urządnicy Wielkiego Księstwa Litewskiego. Spisy*. Т. V. Ziemia Połocka i województwo Połockie XIV—XVIII wiek. S. 146. № 438; S. 164. № 551; S. 167. № 563; S. 180. № 657; S. 193. № 724.

²⁹ Подробнее о составе посольства и задачах миссии см.: *Радаман А.А.* Клієнты і «прыяцелі» Астафея Багданавіча Валоўіча ў Наваградскім павяце ВКЛ у 1565—1587 гг. // *Unus pro omnibus: Валоўічы ў гісторыі Вялікага княства Літоўскага XV—XVIII стст.* Мінск, 2014. С. 293—294.

³⁰ *Grala H.* Wokół dzieła i osoby Alberta Schlichtinga (Przyczynek do dziejów propagandy antymoskiewskiej w drugiej połowie XVI w.) // *Studia Źródłoznawcze*. 2000. Т. 38. S. 35—52; *Горшков И.Д.* Опричнина Ивана Грозного в описаниях современников-иностранцев: на примере сочинений Альберта Шлихтинга. Дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2005; *Старостина И.П.* Иван Грозный в изображении Шлихтинга — Стрыйковского // *Восточная Европа в древности и средневековье: X Чтения памяти В.Т. Пашуто. Материалы конференции.* М., 1998. С. 112—117; *Дубровский И.В.* Латинские рукописи сочинений Альберта Шлихтинга // *Русский сборник. Исследования по истории России.* Т. XVIII. М., 2015. С. 74—217.

В науке преувеличена замкнутость российских политических элит. Конечно, они до царя Петра Алексеевича по своей воле не ездили за границу на учёбу, и крайне редки были в Москве браки с европейскими партнёрами. Однако проекты отмены этого пережитка известны со времён Ивана Грозного, тогда как сами правители предпринимали попытки выехать из страны, причём неоднократно декларируя свои намерения подданным. В приписках к Лицевому своду прозвучало обращение царя к верным боярам, где он допускал побег своего сына из Московского царства: «Не дайте бояром сына моего извести некоторыми обычаи, побегите с ним в чужую землю, где Бог наставит»³¹. По предположению С.Б. Веселовского и Б.Н. Флори, эти слова отражают настроения царя времён опричнины («в опричном угаре») ³². Впрочем, приписки в недоработанных томах Лицевого свода не могли возникнуть ранее 1576—1577 гг., когда завершались работы над огромной иллюстрированной летописью. Настроение этих приписок ближе к периоду, когда победы в Ливонской войне сменились непоправимыми поражениями и у царя усилился страх мятежа в пользу одного из наследников или Стефана Батория³³.

Стремление бежать из государства было в конце 1560-х — 1570-х гг. тем особым настроением, в котором концентрировались и страхи, и чаяния московских элит. А этот исторический момент был одним из самых успешных в реализации интегративной идеи по отношению к московским подданным, а особенно к московской шляхте, опиравшейся на Второй Литовский Статут 1566 г. и конституцию Варшавского сейма 1578 г., пользуясь равными правами с местным рыцарством³⁴. Московские переселенцы влились в политический народ Короны и Литвы и составили его неотъемлемую часть³⁵. Близкой им была и «российская» идентичность украинского казачества, местной шляхты и всего политического «русского народа» в составе

³¹ ПСРЛ. Т. XIII. М., 2000. С. 531.

³² *Веселовский С.Б.* Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 283; *Флоря Б.Н.* Иван Грозный. С. 78—79.

³³ Поздняя датировка Лицевого свода, уводящего окончание работ над ним в период правления царя Фёдора Ивановича, поддержана в работах А.А. Амосова и В.В. Морозова, а также отчасти в статье С.О. Шмидта 2011 г. (*Морозов В.В.* Лицевой свод в контексте отечественного летописания XVI века. М., 2005; *Ерусалимский К.Ю.* Лицевой летописный свод в дипломатии Ивана Грозного // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2017. № 6. С. 24—33).

³⁴ Пример того, как московский «выросток» на службе волынского шляхтича ссылается на конституцию Варшавского сейма, см.: *Старченко Н.* Честь, кров і риторика: Конфлікт у шляхетському середовищі Волині: Друга половина XVI — початок XVII століття. Київ, 2014. С. 114—115.

³⁵ Понятие политического народа применительно к шляхте Великого княжества Литовского разработано Ю. Кяупене. Исследовательница отметила, что литовский политический народ придерживался своего видения политической причастности на заре Люблинской унии. Сплочение происходило благодаря общей военной опасности, клиентарным связям, сознанию своей обособленности от коронной шляхты и европейским тенденциям в общественной мысли (*Kiaupienė J.* «Mes, Lietuva». Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės bajorija XVI a.: (viešasis ir privatus gyvenimas). Vilnius, 2003; *Kiaupienė J.* Политический народ Великого княжества Литовского в системе политических структур Центрально-Восточной Европы в XV—XVI веках // Сословия, институты и государственная власть в России... С. 586—591). В дискуссии вокруг тезиса о самобытности литовского политического народа затрагивался вопрос об отношении литовских магнатов к «шляхетской демократии» и проблема вырождения демократии в олигархию (*Niendorf M.* Wielkie Księstwo Litewskie. Studia nad kształtowaniem się narodu u progu epoki nowożytnej (1569—1795). Poznań, 2011. S. 49—70; *Вилимас Д.* К вопросу о характеристике государственного строя Великого княжества Литовского после Люблинской унии: демократия versus олигархия // Проблеми інтеграції... С. 149—154).

Речи Посполитой в конце XVI — первой половине XVII в.³⁶ Шляхта Короны и Литвы после смерти Сигизмунда II Августа считалась и с возможностью слияния с Московским государством и избрания на трон Речи Посполитой московской кандидатуры³⁷.

На королевской службе оказались представители едва ли не всех крупнейших фамилий, окружавших московский трон³⁸. Дальними родичами московских удельных князей были Ярославовичи. К боярскому роду Захарьиных принадлежали Иван Васильевич Ляцкий и его сын Иван. Сигизмунду I Старому служил брат высших московских политиков кн. С.Ф. Бельский. Суздальская знать в лице кн. И.Д. Губки-Шуйского и его потомков утвердилась в Брестском повете Великого княжества Литовского. Ярославские Рюриковичи были представлены Андреем Курбским и позднее его потомками. Тверские — кн. В.И. Телятевским, по своему поместному праву в Московском государстве претендовавшим даже на ярославский титул, посягая на прерогативу Курбского и его потомков в Речи Посполитой и князей Сицких в Москве. Смоленских воплотил Владимир Заболоцкий, вспомнивший в эмиграции о своём княжеском происхождении. Предполагаемые черниговские князья были представлены кн. М.А. Ноготковым-Оболенским. Впрочем, последние трое умерли, не оставив потомства «по мечу».

Это далеко не все, кто хотел бы перейти на службу Сигизмунда I Старого, Сигизмунда II Августа и их наследников. Вместе с братом великой княгини, матери Ивана Грозного, Михаилом Глинским собирался выехать кн. Иван Турунтай-Пронский — он был бы встречен своими дальними родичами из рода великих князей пронских, давно служащими литовским монархам. Не удалось бежать в июле 1554 г. кн. С.В. Звяге-Ростовскому. Пытался прорваться в Литву кн. Ю.И. Горенский, но был схвачен и казнён. В начале мая 1581 г. бежал ближний родич опричных выдвиненцев царя Д.И. Бельский, сумевший уйти от преследования во главе небольшого отряда. Вскоре после смерти Ивана Грозного бежал М.И. Головин, позднее убитый в Литве И.И. Бунаковым, мстившим за смерть своего отца.

Среди шляхтичей, близких к ведущим московским родам, были Колычевы, Бутурлины, Тетерины, Сарыхозины, Кашкаровы, Голохвастовы, Бунаковы, Остафьевы, Зверевы, Измайловы... Не все названные роды испытали потрясения в России. Часто неясно даже, в какой именно хронологической связи находятся казни в России с побегом представителей их родов. Традиция интерпретации, идущая от С.Б. Веселовского, в целом позволила установить корреляцию между казнями и «выездами», однако во многих случаях выводы самого исследователя и следовавших за ним авторов не подтвердились.

³⁶ Мильников А.С. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. Представления об этнической номинации и этничности XVI — начала XVIII в. СПб., 1999. С. 74—105; *Плохий С.* Наливайкова віра: Козацтво та релігія в ранньомодерній Україні. Київ, 2005. С. 192—229; *Яковенко Н.* Дзеркала ідентичності: Дослідження з історії уявлень та ідей в Україні XVI — початку XVIII століття. Київ, 2012. С. 9—43; *Брехуненко В.* Козаки... С. 111—146; Древняя Русь после Древней Руси: дискурс восточнославянского (не)единства. М., 2017. С. 93—105.

³⁷ *Zakrzewski A.B.* Wielkie Księstwo Litewskie między Wschodem a Zachodem. Aspekt polityczny i prawno-ustrojowy // *Między Zachodem a Wschodem...* S. 23—36.

³⁸ Здесь и далее использованы материалы наших исследований по истории российской эмиграции в Речи Посполитой (*Ерусалимски К.* Маскоўцы ў польска-літоўскі асяроддзі ў XVI — першай палове XVII стст. Транзітыўная ідэнтычнасць, гендэр і дыскрымінацыя // *Arche*. 2012. № 3. С. 68—95; *Ерусалимский К.Ю.* На службе короля и Речи Посполитой. М.; СПб., 2018).

Неясно, когда именно были уничтожены «всеродне» Тетерины и Сарыхозины. Нельзя исключать как то, что царь подозревал перебежчиков в заговоре против своей особы, в результате чего были убиты их родичи, так и то, что казни охватили род ещё до их побега или несколько позже (например, как мсть за Изборскую кампанию). На стороне короля в небольшой исторический промежуток около конца 1563 — начала 1564 г. оказались одновременно не менее пяти мужских представителей Тетериных и Сарыхозиных. Трое из них на рубеже 1568—1569 гг. приняли участие в Изборской кампании князей Александра и Ивана Полубенских и привели пленных на Люблинский сейм. Одного из изборских пленников получил в подарок от кн. А.И. Полубенского Курбский. Возможно, от этих же людей князь Андрей Михайлович узнал что-то новое о казнях и других событиях первых лет опричнины, о чём рассказал в мартирологах своей «Истории». Это были заметные события в Короне и Литве. Они вызвали не только энтузиазм у хронистов и поэтические реплики³⁹, но и настоящие триумфы в Варшаве и Люблине. Пленным и эмигрировавшим москвитам выплачивали пожалования из казны в знак торжества над противником и милости короля⁴⁰. На объединительном сейме прозвучали даже упреки в адрес короля, что он заботится больше о приезжих москвитях, чем о собственных пленниках в Москве. Этот голос звучал из уст одного из полоцких пленников, выпущенных, чтобы призывать шляхту и короля к выкупу затворников. Впрочем, как можно полагать, царь видел в захваченной полоцкой элите своего рода заложников, позволявших, как ему казалось, манипулировать ими в переговорах с королём и панам радой. Конечно, впечатление эти действия царя производили прямо противоположное, но всё же Ивана Васильевича окружали подданные, видящие в литвинах скорее собратьев, чем врагов.

Что роднит всех шляхтичей московского происхождения на королевской службе и что позволяет говорить о перспективе унии Литвы и Короны с Москвой? Имена перебежчиков в источниках говорят о том, что они носили типичный для ренессансной книжности национальный идентификат — они были *москвитами*, *москалями*, *москвитинами*. К 1560-м гг. он перестал означать прямую связь с Москвой как городом или Московским княжеством, а в подавляющем большинстве случаев имел расширительное значение, охватывая все земли, находившиеся под властью московских великих князей. Эта нация просуществовала в лице своих представителей в Европе вплоть до начала XIX в., когда была преобразована в сознании европейцев в особый стереотипный образ, в чужака («Другого») для своей национальной культуры. Наличие своего идентификата не оставляет сомнений, что польско-литовское общество было готово видеть в эмигрантах особый народ, но не стремилось создавать никакой диаспоры или культурной основы для восприятия эмигрантов в качестве меньшинства в самой Короне, Литве, а затем в Речи Посполитой. Москвиты

³⁹ Хорошкевич А.Л. Захват Полоцка и бегство кн. А.М. Курбского в Литву // Świat pogranicza. Warszawa, 2003. С. 117—120; Канцелер А. Латинские поэмы о победах литовцев над московскими войсками в 1562 и 1564 гг. и о побеге Курбского // Ad fontem / У источника. Сборник статей в честь чл.-корр. РАН Сергея Михайловича Каштанова. М., 2005. С. 318—325; Некрашевич-Короткая Ж.В. События и лица российской истории второй половины XVI — первой половины XVII в. в памятниках латиноязычной поэзии Великого княжества Литовского // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2012. № 2(12). С. 26.

⁴⁰ Скрынников Р.Г. Царство террора. С. 360—361; Ерусалимский К.Ю. Московско-литовская война 1562—1566 гг. и введение опричнины: проблемы демографии и земельной политики // Российская история. 2017. № 1. С. 3—31.

прямо ассоциировались с Московским государством, пока носили это прозвище, и должны были, потеряв его, потерять и свою причастность к московскому обществу. Во-вторых, правовые ситуации, в которых фигурируют в Речи Посполитой московские шляхтичи, позволяют судить о том, что сразу или вскоре по прибытии они пользовались всеми привилегиями военного сословия нового отечества. Реестры присяги Короне Польской винницкой и брацлавской шляхты 1569 г. показывают, что москвиты и их жены принесли присягу на верность королю и Короне Польской вместе с остальными своими собратьями по оружию. Впрочем, феодальная лестница была открыта для москвитов, как правило, не вся. Их первые пожалования — *хлебокормление* или *выживенье*, состояли чаще из средств на пропитание и натуральных выплат. Земельные пожалования *до воли и ласки* господаря не могли быть переданы по наследству, нельзя было также распоряжаться ими как-либо без согласия на то короля. Наиболее частой формой ленного держания было *доживоте* — т.е. право пожизненного владения имением, иногда расширяемого до двух и трёх поколений.

Участие в войне именно против *неприятеля московского* не было обязанностью шляхтичей-москвитов, однако считалось частью их военной повседневности. Иван Ляцкий и кн. Семён Бельский прямо декларировали перед началом Стародубской войны готовность отвоевать свои отчины в Московском государстве. Князь Семён с 1536 г. осуществлял проект создания буферного государства из Рязани и Белой, где сам готовился стать сувереном. Допускал он и установление дружественного по отношению к королю Сигизмунду Старому, Сулейману Великолепному и крымским Гиреям правительства в Москве. Пытались решительно повлиять на Ливонскую войну Курбский в 1564—1567 гг. и связанные с ним дружбой и общими целями его соотечественники из отряда кн. А.И. Полубенского в 1568—1569 гг.

О москвитях на королевской службе в их новом отечестве в королевских пожалованиях говорилось, что они бежали от московского тирана, бросив свои владения, взамен которых их и награждали. Временный статус феодальных держаний нигде не был представлен в связи с необходимостью отвоевать имущество перебежчиков в Московии. Такая задача больше не стояла. Как будто вычёркивая эту же перспективу, в Москве в ряде случаев уничтожались родовые гнезда «изменников», благодаря чему исчезал существовавший ещё в первой половине XVI в. статус разделённого рода, в котором находились многие крупные роды Московского государства и Великого княжества Литовского⁴¹.

Коллизии поджидали москвитов не только в землях покинутого отечества, но и во владениях короля. Так, в имении Г.А. Ходкевича Спасове после Ульской битвы 1564 г. на москвитов напали местные жители, видимо, приняв отходящую с поля боя роту за наступающего неприятеля. Развернулся бой, о чём Луцкий гродский суд рассматривал иск ротмистра. Вплоть до окончания Ливонской войны реестры Королевской казны из Варшавского архива древних актов позволяют проследить службу особой роты из 50 москвитов, которыми командовал какое-то время с 1563 г., видимо, Владимир Заболоцкий, а позднее также Умар Сарыхозин и Агиш Сарыхозин. Агиш при Сигизмунде III выдвинулся на лидирующие позиции среди москвитов-эмигрантов. Это положение

⁴¹ Неполный список разделившихся между Москвой и Литвой брянских и смоленских фамилий см.: *Кром М.М.* Меж Русью и Литвой: Пограничные земли в системе русско-литовских отношений конца XV — первой трети XVI в. М., 2010. С. 264—287.

после него не сохранилось, даже когда в Литву переезжали высокопоставленные в Москве Салтыковы, Трубецкие и В.А. Ордин-Нащокин⁴².

Московские шляхтичи, критиковавшие власть, редко обращались к опыту соседей, скорее применяли наличный риторический и культурный арсенал. Наиболее значительные перемены коснулись в эмиграции Андрея Курбского, чьи сочинения московского и польско-литовского периодов разительно отличаются в терминологии, кругозоре и идейных построениях. В «Истории о князя великого московского делех» и связанных с ней сочинениях эмигрантского периода (около 1570-х — начала 1580-х гг.) князь отстаивал образ единой христианской республики, которую впервые в русской книжности называл «Святорусской империей». Гибрид доктрины «общего дела» с идеей богоспаваемой имперской власти дополнялся осмысленной метафорой политического тела, которое представляла Русская земля, когда в её сердце правила «Избранная рада», возглавляла «тело» светлая и просвещённая голова — юный царь Иван Васильевич, а укрепляли прочие части тела («уды»): ангелоподобные и «добрые» советники и «всенародные» люди. Учение о *corpus rei publicae* восходило в европейской традиции к сочинениям Иоанна Солсберийского. Оно было унаследовано в Короне и Литве, составив риторическую основу унии двух государств, соединённых в «единое тело». Ещё одно возможное заимствование из европейской политической мысли — понятие «всенародных людей». Оно не характеризует демократизм Курбского и не требует предположения, что он допускал, например, участие сельских людей и рабов в управлении монархической республикой⁴³. Это понятие, судя по всему, также гапакс для московской письменной культуры того времени, находит прямой аналог у Павла Влодковица, заимствовавшего его у Марсилия Падуанского: *universitas civium*, т.е. собрание граждан, имеющих право от лица народа решать ключевые вопросы республики.

Идея тела-республики в «Истории» Курбского дополнена неоплатоническими аллюзиями, почерпнутыми из учения Максима Грека, и медицинскими открытиями в духе Мигеля Сервета. Последнему принадлежит и разделяемое Курбским учение о ненасилии в отношении еретиков и заблуждающихся в религиозных воззрениях, которых князь считал необходимым перевоспитывать и убеждать духовным оружием, а не градским мечом. При всей архаичности этих взглядов в эпоху Люблинской унии они были не только созвучны представлениям реформационных христиан, но и частью полемического пространства, в котором Курбский лично и вместе с православными Короны и Литвы выступил в защиту традиционного православия. При этом «История» содержит ряд параллелей с идеей универсального христианского народа. Царь Иван Васильевич после своего духовного падения и скатывания республики в опричный

⁴² Кошелева О.Е. Побег Воина // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. 1996. М., 1997. С. 55—86; Граля Х. Возрождение из небытия: Смута и Потоп на перепутьях национальных мифологий // Смута в России и Потоп в Речи Посполитой: опыт преодоления государственного кризиса в XVII столетии. Материалы российско-польской научной конференции. Москва, 24—26 октября 2012 г. М., 2016. С. 10—48.

⁴³ С.О. Шмидт допускал, что речь в данном случае идёт именно о служилых людях, о «менее знатных феодалах». В таком случае выражение А.М. Курбского следовало бы рассматривать как развитие идеи шляхетского народа Московского государства (Шмидт С.О. У истоков российского абсолютизма. Исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного. М., 1996. С. 211—213, 268—269).

(«крошечный») ад не уважает те естественные права, которые соблюдают даже скифы и сарматы. Пример античного прошлого обманчив — скифы и сарматы в сознании современников были актуальными народами, населяющими Степь и земли Двух Сарматий. Вместе с тем естественные права были предметом бурного обсуждения на Констанцском соборе, где П. Влодковиц в 1416 г. подобным тезисом опровергал смысл крестоносной идеи и отстаивал права жмуди самой выбирать себе веру. Это был шаг на пути к отказу от насильственной христианизации, фоном для которого послужил спор о причинах войны Тевтонского ордена с христианскими странами. Предки Курбского покоряли Югру, а сам он — Казань и поволжских язычников. Согласие с идеями Влодковица смягчает его взгляд на задачи крестоносной войны, развитый им, видимо, в тех фрагментах «Истории», которые создавались ещё в период его московской службы.

В российской историографии имперского периода перспективы, открытые объединительным сеймом 1569 г., часто представлялись в зеркале идеи колонизации. Однако эта идея имеет мало общего с реалиями середины — второй половины XVI в. Уния Литвы с Короной и инкорпорация в Корону русских земель четырёх воеводств Великого княжества Литовского открывали новый период в политическом устройстве союзных государств. Волынь и восточные воеводства получили автономию, приближаясь в своём статусе к самостоятельной и самобытной системе внутри федеративного государства. Великое княжество Литовское в ходе реформ ещё до Люблина приобрело права и свободы, не только приближающие местную шляхту к собратьям в Короне, но и освобождающие её от всевластия королевских наместников. Идея объединения «равных с равными» не была пустой декларацией, а соблюдалась как неотъемлемое право литвинов на всём протяжении существования федерации. Безразличие, выраженное царём, когда он узнал от польских и литовских представителей о заключении унии, скрывало несогласие. Москва не принимала сам язык прав и свобод, не видела в служилых людях единого влиятельного сословия, не допускала гарантий для «мужиков торговых» и противостояла известным примерам представительных собраний.

Историческая память, сформированная в России на фоне мобилизации в войне против Ливонии и Великого княжества Литовского, лишала легитимной предыстории существование обоих врагов, а история унии между Литвой и Короной рисовалась как историческая ошибка, следствие слабости власти в обоих этих государствах. Достаточно вспомнить, что незадолго до объединительного сейма Иван Грозный высказывал сомнение, что до Ягайло в Короне Польской вообще были короли, а право королевы Ядвиги на корону царь ошибочно или намеренно связывал с её происхождением от «пошлых королей». Эти высказывания звучали в официальной политике, и вряд ли элиты в Вильно и Кракове могли относиться к ним как к пустой болтовне и списывать их на эмоции. Ядвига была символом унии. Её образ возникал в памяти всякий раз, когда вспоминались первые унии между Ягайло и Витовтом, причём все общеземские привилегии Великого княжества Литовского отсчитывают существование унии именно от договоренностей Ягайло с Витовтом, а следовательно, Иван IV и его окружение в своей риторике наносили удар в самое сердце объединительной идеи.

Образцы «листов»-ультиматумов от лица шведского короля Юхана III за 1582—1584 гг. показывают, что в Москве знали и слово «тиран» применительно к московской власти, и обязательства поддержать права и свободы вместо

кровопролития и рабства⁴⁴. Это не была риторика *ex post*, а язык, звучавший в сознании московской шляхты на всём протяжении становления государственной машины Ивана IV и его наследников на московском престоле. Обещание «прав и вольностей» московским «чинам» (т.е. сословиям) не раз звучало в годы Смуты от лица Сигизмунда III Вазы, причём результаты переговоров московского посольства к королю под Смоленском в августе 1610 г. показывают, что в Москве настаивали на соблюдении своего «обычая», приближавшего политическую культуру москвитов к европейским порядкам⁴⁵. Наконец, «московский двор Владислава Вазы» отразил тот тип зеркального построения московских элит, наметившийся ещё в период Стародубской войны и неизменно сопутствовавший московско-польским отношениям вплоть до первых лет правления Романовых⁴⁶.

Княжеская власть в Речи Посполитой уступала идее правящей шляхты и шляхетского равноправия⁴⁷. Волынские титулованные феодалы приняли и горячо поддерживали унию с Коронай Польской (за исключением кн. М.А. Чарторыйского)⁴⁸. Последний оплот титулов в Короне и Литве составили русские земли Великого княжества Литовского, где привилегии княжеской власти исчезали вместе с ориентацией на православие уже во второй половине XVI в. Претензии княжеского рода Слуцких на место в Сенате в силу правящего происхождения пресеклись вместе с мужской ветвью рода (1592 г.)⁴⁹, а требования восстановить права князей звучали на сеймах ещё много лет спустя после Люблинской унии (1638, 1640 гг.)⁵⁰. Эмигранты из Московского государства сохраняли политический кругозор православного государства, где княжеская власть была в своём роде обязательной светской стороной устройства общества. В нашем распоряжении на фоне множества данных о взаимных конфликтах и службах титулованных и нетитулованных москвитов в новом отечестве нет ни одного примера, когда москвиты выразили бы несогласие с верховенством князей над нетитулованными шляхтичами. Наоборот, Владимир Заболоцкий в переговорах с имперским агентом аббатом Иоганном Циром отстаивал свой княжеский статус, давно утраченный его предками в Москве. Андрей Курбский и Василий Телятевский претендовали на новый ярославский титул, которого в

⁴⁴ Подборка посланий хранится под шифром: Riksarkivet, Stockholm. Militaria 1276. No 1. Частичная публикация: *Селин А.А.* Новые материалы об идеологической борьбе в годы Ливонской войны // Труды Государственного музея истории Санкт-Петербурга. Вып. 12. СПб., 2006. С. 34—37.

⁴⁵ *Polak W.* O Kreml i Smoleńszczyznę. Polityka Rzeczypospolitej wobec Moskwy w latach 1607—1612. Toruń, 1995. S. 211; *Флоря Б.Н.* Польско-литовская интервенция в России и русское общество. М., 2005. С. 245—247, 253—266.

⁴⁶ *Jaworska M.* «Moskiewski dwór» królewicza Władysława w latach 1617—1618 // *Kronika Zamkowa*. 2015. Roczn. 2(68). S. 31—58.

⁴⁷ *Rachuba A.* Litwini wobec integracji we wspólnej Rzeczypospolitej // Проблемы інтеграції... S. 204—219. Как отмечал А. Мончак, в XVII в. в борьбе за ограничение королевской власти шляхта, как правило, смешалась в орбиты влияния магнатских родов: *Mączak A.* Rzeczpospolita szlacheckich samorządów // *Przegląd Historyczny*. 2005. T. 96. Zesz. 2. S. 169—193.

⁴⁸ *Mazur K.* W stronę... S. 259—260; *Kempa T.* Możliwość i szlachta z Wołynia wobec unii lubelskiej (1569) // *Liublińskie unia*... S. 170, 185. Во время Первого бескорольевья кн. М.А. Чарторыйский поддерживал литвинов и вёл доверительную корреспонденцию со своим родичем по жене Я.И. Ходкевичем (*Ерусалимский К.Ю.* На службе... С. 799—801).

⁴⁹ *Wisner H.* Rzeczpospolita Wazów. III. Sławne Państwo, Wielkie Księstwo Litewski. Warszawa, 2008. S. 12, 18; *Скел'ян А.А.* Князі Слуцкія. Мінск, 2013. С. 68—75, 104—105, 130.

⁵⁰ *Яковенко Н.М.* Українська шляхта... С. 78; *Zakrzewski A.B.* Paradoksy unifikacji i ustroju Wielkiego Księstwa Litewskiego i Korony XVI—XVIII w. // *Czasopismo prawno-historyczne*. 1999. T. 51. Z. 1—2. S. 221.

Москве они бы не получили. Один из Оболенских требовал родового титула, завышая себе цену в момент обмена пленными и вызвав тем самым негодование у Ивана Грозного.

Эти наблюдения подкрепляются отчётливо княжеским самосознанием Андрея Курбского в его «Истории» и других сочинениях. Он изображает Русскую землю как общую вотчину «княжат русских», а возвышение Москвы считает общим делом всех князей, подспудно и в нарушение принятых в Москве родословных легенд возводя в княжеское достоинство даже ведущие боярские роды «имперских княжат» на русской и московской службе. Это был намёк на сходство боярских родов в Москве с правящим в Великом княжестве Литовским *de facto* родом имперских князей Радзивиллов. При этом Курбский видел в себе реформатора, отступая от княжеского идеала управления Святорусской республикой-империей. Его «общая вещь христианская» прямо объясняется в «Истории» и переводных сводах из книжной мастерской Курбского как «посполитая речь» или «рез публика». Опорой его тела-республики служит не «голова»-царь, а «сердце» — Избранная рада⁵¹. Её венчают нетитулованные политики-советники — незначительный по происхождению, но одарённый и полезный для «общей вещи» Алексей Адашев и благовещенский поп, близкий к новгородскому купечеству Сильвестр⁵². Мартирологи в «Истории» открываются описанием гибели рода Адашевых и уходом из Москвы Сильвестра, и только затем следует мартиролог князей, после которого — списки бояр, простых шляхтичей и репрессированного духовенства. Все урядники Курбского в новом отечестве — нетитулованные, и он не проявляет заметного по источникам интереса к новоприбывшим из Москвы на королевскую службу князьям.

И всё же в опыте московитов на королевской службе прослеживается общая логика. Все крупнейшие княжеские роды, перешедшие на королевскую службу, начиная со второго поколения, теряли княжеский титул (часто вместе с православным вероисповеданием). Правосознание московитов на королевской службе говорит об отсутствии границ в интеграции, несмотря на мобилизационные настроения в Короне и Литве против Москвы и неизбежно обострённую этничность в отношениях с местным населением. Московские шляхтичи отстаивали свои права и свободы теми же способами, что и местные «служилые» люди. Показателен пример Ивана Бурцева, появившегося в конце 1570-х гг. в источниках в роли «выростка» в семье луцкого шляхтича Ивана Хренницкого. Затем он уже слуга своего пана Иван Бурцевич, и наконец — коронный «возный генерал» Иван Бурцевский, служивший при судах ещё в начале XVII в. Московит втянулся в судебную структуру нового для себя государства. Ему пришлось участвовать и в расследовании смертей сыновей своей госпожи, и в многосложной борьбе за замок Буремль, чуть было не стоившей ему жизни, и в многочисленных процессах волынских урядов. Возможно, с его неместным происхождением связаны как публичные выступления в доказательство своего шляхетского статуса, так и процедурные ошибки в исполнении обязанностей «возного», которые могли служить и судебными уловками. В начале 1602 г. его

⁵¹ Курбский А.М. История о делах великого князя московского. М., 2015. С. 24, 216, 835. Примеч. 132-2.

⁵² Грбовский А.Н. Иван Грозный и Сильвестр (история одного мифа). Лондон, 1987; Курукин И.В. Жизнь и труды Сильвестра, наставника царя Ивана Грозного. М., 2015. С. 108—134; Филюшкин А.И. История одной мистификации: Иван Грозный и «Избранная Рада». М., 1998. С. 309—329.

обвинили в нападении на спорное шляхетское имение крупного киевского и волынского рода Чапличей. И вот тут он упомянут со своим этническим прозвищем: «Иван Москвитин, возный»⁵³.

Григорий Сафонов (Сафонович) выступил в 1609 г. на Житомирском городском уряде, рассказав о своих многолетних службах при князьях Хованских и жалуясь на неуважительное обращение с ним самим и такими же иноземцами, московскими шляхтичами. Он требовал терпимости к себе и ко всему московскому обществу («всего кгмѣну посполства землѣ и мѣста столечного Москвы»). В его заявлении, во многом мемуарном, отражено и этническое, и социально-демографическое мышление московского воина. Сама запись в актовой книге является частью процедуры индигената, а свидетельство о службе у Хованских призвано подтвердить привилегированный, шляхетский статус Сафоновича. Его язык менее изощрён и не связан с латинской традицией, в отличие от сочинений Курбского. Вместе с тем язык простого престарелого сына боярского отражает конвергенцию культур, которую ему самому важно было подчеркнуть, сталкивая между собой политико-правовые реалии России и Речи Посполитой. Московское государство он считал частью Белой Руси, свои права видел в чём-то равными в новом отечестве с эмигрантской элитой, определяя её привычный для Москвы думный и княжеский статус («з думными», «з думных бояр, особливе з княжат московских»)⁵⁴. В рассказанной им истории службы у Хованских показана литовская ветвь рода, не отразившаяся в московских родословцах (в Литве и Короне было известно о выезде Данилы Хованского вместе с Остафием Дашковичем в Киевскую землю и о службе его внуков Острожским и Кишкам)⁵⁵.

Подобные примеры можно умножать. Они доказывают, что московские шляхтичи втягивались уже в первом поколении в польско-литовское общество, испытывая лишь те трудности, которые ни для местных судов, ни для них самих не казались непреодолимыми. В нашем распоряжении нет ни одного свидетельства, позволяющего судить о том, что на судах и в иных публичных местах в Короне и Литве москвиты испытывали культурные фрустрации, непреодолимые разногласия с местными жителями и т.п. Такие конфликты были, конечно, неизбежны и по косвенным данным реконструируются в отношениях землевладельцев с местными слугами и подданными. Прежде всего, непреодолимым в первом поколении, т.е. для самих эмигрантов и иногда их ближайшей родни, был статус *Москвитина*, оставлявший за ними на всю жизнь шлейф причастности к чужому и враждебному государству. Эта причастность акцен-

⁵³ *Старченко Н.* Боротьба за спадок князя Андрія Курцевича-Буремського (1592—1596) // Кризь століття. Студії на пошану Миколи Крикуна з нагоди 80-річчя. Львів, 2012. С. 370—395; *Ерусалимский К.Ю.* Иван Москвитин: смерть и возрождение // *Русская авантюра: идентичности, проекты, репрезентации.* М., 2019. С. 19—51.

⁵⁴ *Жизнь Князя Андрея Михайловича Курбского в Литве и на Волыни.* Т. 2. Киев, 1849. С. 296—300.

⁵⁵ Все названные сведения почерпнуты Ю. Вольфом из того же сообщения Г. Сафоновича и частично удостоверены упоминаниями потомков князя, жившего во времена великого князя Василия III, в источниках начала XVII в. Московские источники и биографы российских представителей рода окружили всех литовских родичей молчанием (*Wolff J.* *Kniaziowie litewskoruscy od końca czternastego wieku.* Warszawa, 1895. S. 17—18). Ср.: Памятники истории русского служилого сословия. М., 2011. С. 25—26; *Шереметев П.С.* О князьях Хованских. М., 1908; *Зимин А.А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. М., 1988. С. 28—67; *Павлов А.П.* Думные и комнатные люди... Т. 2. С. 48—52.

тировалась только тогда, когда над шляхтичем нависала правовая или политическая угроза (попасть под подозрение в совершении преступления, лишиться правоспособности, реже — потерять спорное имение). Изредка, особенно в годы войны с Москвой, обострялись мобилизационные настроения, и московским шляхтичам приходилось несладко — бывало, им мстили за их соотечественников или даже совершали на них труднообъяснимые нападения. Вместе с тем известных ныне фактов достаточно, чтобы увидеть, как московская шляхта интегрировалась в разнообразные повседневные контексты Короны и Литвы и даже формировала собственные доктрины о равенстве московской шляхты с местными соратниками.